

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ И ИНДОАРИИ

И.В. Ковтун

Феномен распространения изделий и технологии сейминско-турбинской металлургии бронзы Северной Евразии сопоставлен с дивергенцией и миграциями носителей индоарийских диалектов. Рассматриваются следствия социокультурного, межэтнического и языкового взаимодействия крупных этнокультурных объединений на территории Волго-Камья и Северо-Западной Азии в конце III — первых веках II тыс. до н.э. Аргументируется единство культурно-исторических истоков образов Вары Видевдата и «осенних крепостей» Ригведы, восходящих к укрепленным сооружениям аркаимо-синташтинского типа. Обосновывается доминирование индоарийского субстрата в составе сейминско-турбинских сообществ, контактировавших и конфликтовавших с преимущественно ираноязычным населением аркаимо-синташтинского культурного массива и с его финно-угорским окружением.

Сейминско-турбинские, индоарии, Вара, Ригведа, «осенние крепости», аркаимо-синташтинские, пуру.

Языковая принадлежность сейминско-турбинских сообществ конца III — первой четверти II тыс. до н.э. неоднократно соотносилась с различными миграционными волнами в Волго-Камье, Центральной и Северо-Западной Азии. Язык населения, оставившего Сейминский могильник, О.Н. Бадер считал финно-угорским, а его создателей — одним «из западных форпостов финно-угорского мира» в борьбе с балановцами, абашевцами и срубниками [1964, с. 116]. Близкое мнение высказывалось П. Хайду. Он рассматривал распространение сейминско-турбинских древностей как свидетельство вторичного взаимодействия обособившихся в Зауралье носителей протоугорского языка и проживавшего между устьями Оки и Камы населения, говорившего на прафинно-пермских диалектах. В примечаниях к этой работе П.М. Кожин упоминает южные связи сейминско-турбинского населения, сомневаясь в его привязке к уралоязычным группам [Хайду, 1985, с. 194–195, 198]. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отрицают индоевропейскую языковую принадлежность сейминско-турбинских группировок [1990, с. 139]. А.Х. Халиков связывает сейминско-турбинские коллективы с алтайской языковой общностью — «прототюркскими и тунгусо-маньчжурскими племенами» [1991, с. 43, 44]. В.В. Напольских настаивает на тохарском (паратохарском) компоненте в составе создателей сейминско-турбинского комплекса [1997, с. 155–157]. С.А. Григорьев предложил версию «древнеевропейской» принадлежности языка сейминско-турбинского населения, сузившейся до кельто-италийских диалектов [1999, с. 227–235; Мосин и др., 2002, с. 95]. К. Карпелан и А. Парпола считают сейминско-турбинские сообщества самодийцами — «Samoyedic branch» [Carpelan, Parpola, 2003, с. 78].

Примечательно территориально-хронологическое сосуществование сейминско-турбинского и аркаимо-синташтинского комплексов. Индоиранская («раннеарийская») ([Генинг и др., 1992, с. 7, 376]; обзор: [Кузьмина, 1999, с. 268–270]) или древне- (восточно-) иранская, иначе — «раннедревнеиранская» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 854] языковая принадлежность основного субстрата последнего как будто установлена [Михайлов, 1999, с. 430; 2002, с. 200–204; Иванов, 2004, с. 63]. Поэтому появление сейминско-турбинских (елунинских и галичских) бронз может быть связано с распространением носителей индоиранских — индоарийских и древнеиранских диалектов. Сейминско-турбинские комплексы не обнаруживают параллелей с материальной культурой «колесничных» племен, реконструируемой по древнеиранским текстам и отождествляемой с аркаимо-синташтинскими древностями. Но ираноязычность основной части этого культурного массива способствует установлению языковой принадлежности соприкасавшихся с ним сейминско-турбинских сообществ. Из всех индоевропейских языков наиболее значительная структурная близость характерна лишь для индоиранского ареала. Как полагал А. Мейе, «индоиранская группа обнаруживает целый ряд специфических особенностей, которые более нигде не встречаются и которые восходят к эпохе совместной жизни носителей данной группы диалектов» (цит. по: [Макаев, 1977, с. 25, 27]). Близость же иранской и индоарийской ветвей «делает методологически оправданными поиски рядом с известными древними местами обитания одних хотя бы следов пребывания других» [Трубачев, 1999, с. 157]. На теснейшие географические и культурные связи, общность языкового ареала, где протоиндийские и протоиран-

ские диалекты втягивались в тождественные зоны контактирования и языковые союзы, указывают и другие исследователи [Макаев, 1977, с. 45–46; и др.].

Для установления соответствий необходимо уточнение перечня индоиранских диалектов, обособление которых сопоставимо с сейминско-турбинской эпохой. Но распад индоиранской общности датируют по-разному. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов относят его ко времени не позднее конца IV тыс. до н.э. [1984, с. 917]. Этим же тысячелетием датируют разделение на индоариев и индоиранцев Р. Гиршман [Ghirshman, 1976, p. 618] и Я.А. Шер, не упоминая об иранской ветви, а пишущий о разделении на «индоариев и индоиранцев» (? — И. К.) [1997, с. 29]. Э.А. Грантовский относил распад «арийского диалектного единства» к рубежу III–II — началу II тыс. до н.э. Позднее последовал вывод о существовании индоиранской общности и в первых веках II тыс. до н.э. Время ее распада определялось с конца первой четверти до середины II тыс. до н.э. [Грантовский, 2007, с. 410]. По мнению В.И. Абаева, выделение из арийской общности протоиндоарийской группы произошло уже на прародине ариев в Юго-Восточной Европе, между Уралом и Каспием [1972, с. 29; 1981, с. 84, 86]. Существование арийской общности, контактировавшей с финно-угорским миром, относится ко второй половине III тыс. до н.э. Ее распад на протоиранскую и протоиндийскую ветви датирован первой половиной II тыс. до н.э. [Абаев, 1972, с. 32, 36], но отмечается, что «ни в середине, ни в начале II тыс. до н.э. ни о какой арийской общности уже говорить не приходится» [Там же, с. 32]. Д.И. Эдельман также полагает, что «праязыковая система иранских языков мало отличается от индоиранской и ее существование относится условно к самому началу II тысячелетия или скорее к концу III тысячелетия до н.э. [2002, с. 17]. Т. Барроу связывает начало самостоятельности индоарийского языка с проникновением его носителей в Индию к 1700–1400 гг. до н.э. Этому предшествовал финал общего индоиранского состояния, локализованного «в Южной России» [Барроу, 1976, с. 33–34]. Л.А. Гиндин относил раздельное существование индоарийских и иранских диалектов к концу III тыс. до н.э. [1972, с. 315; 1974, с. 153–154]. Позднее диалектная расчлененность арийцев на индоариев и иранцев определялась рубежом IV–III тыс. до н.э. по анахронистическим индоарийским вкраплениям в хурритских и хеттских текстах XV–XIV вв. до н.э. Проникновение индоариев в Месопотамию и сопредельные области к западу датировалось XVIII–XVII вв. до н.э. [Гиндин, 1992, с. 55]. К концу XVIII в. до н.э. относил обособленное существование индоариев «не слишком далеко от Передней Азии» и Л.А. Лелеков [1980, с. 123, 124]. Позже Л.А. Лелеков отмечал «раздельность раннеиндийского и раннеиранского этносов и традиций во II тыс. до н.э. несомненно, с середины III тыс. весьма вероятно, на что указывают реликтовые индо-хеттские эксклюзивы без иранских аналогий к ним», так как «предки хетто-лувийских иммигрантов некогда общались с протоиндийцами еще где-то к северу от Черного моря, притом без участия иранцев... до середины III тыс. до н.э., но в таком случае первая стадия дезинтеграции индоиранского единства отодвигается... еще глубже» [1988, с. 171–172]. Примечательно, что сравнительно недавно, используя новые методы исследования, Р. Грей и К. Эткинсон датировали начало распада индоиранской общности около 2600 г. до н.э. [Gray, Atkinson, 2003, p. 437]. Е.А. Хелимский определял время распада индоиранского единства «ранее XVII в. до н.э., т.е. до появления андроновской культуры» [2000, с. 504].

По мнению Д. Энтони, «на общем индоиранском языке, возможно, говорили во время периода Синташты с 2100 по 1800 годы до н.э. Архаический древнеиндийский, возможно, выделился в отдельный язык из архаичного иранского около 1800–1600 годов до н.э.» [Anthony, 2007, p. 408]. Г.Б. Зданович отождествляет петровское население с древними иранцами, а синташтинское — уже «с протоиндийцами, которые к XVI в. до н.э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию» [1995, с. 42]. К. Ламберг-Карловски указывает, что «раскол индоиранского языка на иранский и индоарийский должен датироваться XIV и XV вв. до н.э.», но «к 16/15 вв. до н.э. отделенный индоарийский язык уже стал отличаться от предполагаемого индоиранского» [Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 72]. В.А. Сафронов относил древнейшее население Северо-Западного Причерноморья IV — начала III тыс. до н.э. к эпохе индоиранского единства. Поздние ямные племена, полтавкинская, срубная и, вероятно, петровская и алакульская культуры, а равно весь андроновский массив считались ираноязычными. Распад индоиранцев датирован второй половиной III тыс. до н.э. [Сафронов, 1989, с. 204–205]. Л.С. Клейн считает индоиранской ямную культуру, а индоарийской — катакомбную [Клейн, 2010, с. 172; Кони..., 2010, с. 171].

Представления о распаде индоиранского единства отчасти обусловлены этноязыковыми интерпретациями комплекса Аркаима — Синташты. В.В. Иванов полагает, что его неоднород-

ное население говорило уже на восточно-иранском диалекте скифской (аланской) группы, финно-угорском и (пра)енисейском языке при явном преобладании восточно-иранского субстрата [2004, с. 63]. Это отрицает Е.Е. Кузьмина, вероятно поддерживающая идею о распаде индоиранской общности между 1700 и 1500 гг. до н.э. [2008, с. 175–176, 334], но допускающая билингвизм аркаимо-синташтинского комплекса [Там же, с. 125]. И.М. Стеблин-Каменский синхронизирует Аркаим и Синташту с «эпохой распада индоиранской (арийской) общности на иранскую и индоарийскую» [2009, с. 18].

Распад индоиранской общности не относят ко времени позднее середины II тыс. до н.э., когда зафиксировано появление индоарийского диалекта на исторической авансцене. Этот известный эпизод связан с брачным договором XIV в. до н.э. между митаннийским царем Маттивазой и отдававшим ему в жены свою дочь хеттским царем Шуппилулиумой (Шуппилулюмой I) [Барроу, 1976, с. 31; Дюмезиль, 1986, с. 17–18; Елизаренкова, 1989а, с. 430; и др.]. Иначе: Куртивазза (Куртивазза) или Шаттивазза [Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 290, 293; Дюмезиль, 1986, с. 17] и Суппилулиумас I (Супиллулиума I) соответственно [Дьяконов, 1970, с. 40; Гиндин, 1972, с. 285, 293; Барроу, 1976, с. 31; Вильгельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5]. Позднее И.М. Дьяконов, вслед за Н.Б. Янковской, отождествил Куртиваззу со сбежавшим в результате междоусобной борьбы двух братьев за престол митаннийским принцем Шаттивасой [1995, с. 128–129].

Договор содержит впервые идентифицированные Г. Винклером имена индоарийских божеств: Митры, Варуны, Индры и Насатьи [Елизаренкова, 1960, с. 9–10; Дьяконов, 1970, с. 41; Гиоргадзе, 1971, с. 121; Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 285–286, 293–296, 315; Барроу, 1976, с. 31; Чаттерджи, 1977, с. 50, 60; Эрман, 1980, с. 196–197; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 548; Дюмезиль, 1986, с. 17–18; Вильгельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5 (имя Митры опущено); Хелимский, 2000, с. 503; Bryant, 2001, p. 135; Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 72; Чайлд, 2009, с. 28; и др.]¹. В составе этой группы, засвидетельствованной и в ведийской литературе, Ж. Дюмезиль видел иллюстрацию своей концепции «трех функций», олицетворяемых перечисленными божествами [1986, с. 17–19, 25 и др.]. И.М. Дьяконов же предположил, что упоминание Варуны в договоре есть следствие неверного перевода [1990, с. 103].

К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина отмечают проникновение в Митанни индоариев, занявших здесь господствующее положение, но богов пришельцев называют индоиранскими [1977, с. 53]. Позднее упомянутый договор предлагалось считать *terminus ante quem* выделения индоиранской общности и разделения самих индоиранцев. Пришельцы назывались и индоариями, и индоиранцами, а их боги считались индоиранскими [Кузьмина, 1994, с. 5, 189–190]. В недавней работе констатируется: «...индоиранцы Митанни были уже выделившимися индоариями» [Кузьмина, 2008, с. 175]. Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский отмечают принадлежность богазкейского квартета богов к раннеиндийской традиции и отсутствие Варуны в иранском пантеоне, но язык митаннийских ариев считают диалектом индоиранского в завершающий период существования арийского языкового единства [1983, с. 168]. Индоиранскими считала заимствованные имена четырех упомянутых богов А. Камменхубер. Но, по мнению Т. Барроу, Ж. Дюмезиля и П. Тиме, боги в этом договоре уже не общеиндоиранские, а индоарийские («ведические», «индийские») [Барроу, 1976, с. 31; Дьяконов, 1970, с. 52; Дюмезиль, 1986, с. 18]. Е.А. Хелимский считал язык митаннийских пришельцев «несомненно арийским и, более того, индоарийским» [2000, с. 503]. Т.Я. Елизаренкова также указывает, что по лингвистическим особенностям «митаннийский арийский» является индоарийским языком [1989а, с. 431]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов полагают, что «уже к середине второго тысячелетия до н.э. внутри индоиранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражен в митаннийских арийских языковых фрагментах» [1984, с. 547]. Констатируется наличие «особого митаннийского арийского языка, отличного от древнеиндийского и древнеиранского», что «должно свидетельствовать о раннем начале процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тысячелетия до н.э.» [Там же, с. 863]. В.И. Абаев также настаивает на индоарийской — «протоиндийской» принадлежности «митаннийского арийского», видя в нем след миграции его носителей в Индию [1972, с. 32–33, 36].

Для определения времени распада индоиранской общности показательны стадийные особенности «митаннийского арийского». Т.Я. Елизаренкова полагает, что он уже «эволюцио-

¹ Библиография М. Майрхофера по этой проблематике уже к 1965 г. насчитывала более 700 работ [Гиндин, 1972, с. 286]; другие авторы упоминают более 300 работ по переднеазиатским арийцам [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 76].

нировал за пределы первоначального состояния» [1989а, с. 431]. По И.М. Дьяконову, глоссы в хеттском «Трактате митаннийца Киккули об уходе за лошадьми» с арийской терминологией являются «окаменелостями, которые... передавали чисто механически», и «живого арийского языка в Митанни к XV в. уже не было» [1970, с. 41]. «Окаменевшими глоссами» называла «митаннийский арийский» и А. Камменхубер [Ковалевская, 2010, с. 32]. Соглашаясь с глоссовым характером индоарийских вкраплений в трактате Киккули, Л.А. Гиндин пишет о раннем историческом появлении «обособленных индоарийцев, возможно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740 г.)» [1974, с. 153–154]. Предполагается раннее (рубеж IV–III тыс. до н.э.) обособление индоариев и иранцев и анахроничность индоарийских вкраплений в хурритских и хеттских текстах XV–XIV вв. до н.э. [Гиндин, 1992, с. 55]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов называют «митаннийский арийский» «языком живого общения для митаннийцев определенного социального слоя» [1984, с. 547], допуская обособление индоариев с рубежа IV–III тыс. до н.э. [Там же, с. 917]. Л.С. Клейн полагает, что к 1800 г. до н.э. индоарийский язык уже существовал, хотя выделился значительно раньше [Кони..., 2010, с. 171]. Вероятно, «митаннийскому арийскому» предшествовал сравнительно длительный период его дивергенции. Одни авторы считают диалект индоарийским (или протоиндоарийским), другим представляются иные атрибуции, в рамках индоиранской ветви (обзор: [Bryant, 2001, с. 136–138]). И.М. Дьяконов предполагал, что в Митанни прибыли предшественники третьей ветви индоиранских языков, говорившие на дардо-кафирских диалектах. Упомянутые в договоре божества также предположительно считались дардо-кафирскими [Дьяконов, 1995, с. 129], а митаннийско-индоиранский контакт датирован первой — второй четвертью II тыс. до н.э. [Дьяконов, 1970, с. 62].

У касситов в XVII в. до н.э. также имелись индоарийские имена богов [Барроу, 1976, с. 31; Эрман, 1980, с. 197; Елизаренкова, 1989а, с. 430; Bryant, 2001, р. 136; Грантовский, 2007, с. 404; Чайлд, 2009, с. 27]. Касситский бог солнца *Surijaaš* сравним с ведийским *Sūrya*, хеттский бог огня *Akni* — с вед. *Agni*, а имена царей Передней Азии *Aššura* и *Jami* — с вед. *asura* и *Yamī* ([Елизаренкова, 1989а, с. 430]; см. также: [Гиндин, 1972, с. 297–300; Чаттерджи, 1977, с. 60; Эрман, 1980, с. 197; Bryant, 2001, р. 135 и др.; Грантовский, 2007, с. 403–405; Чайлд, 2009, с. 27–29]). Арийское происхождение и ведийские соответствия установлены для десятков личных имен из аккадских и хурритских клинописных источников и из царской переписки. Индоарийская антропонимика в переднеазиатских языках связывается с небольшими привилегированными социальными группами, к XV–XIV вв. до н.э. ассимилированными хурритами [Гиндин, 1972, с. 286–292, 316–317]. Поэтому появление этих индоарийских имен в Митанни восходит к более ранней эпохе.

Время индоарийских заимствований в Передней и Малой Азии синхронно хронологическому финалу сейминско-турбинской эпохи. По мнению Л.А. Гиндина, «проникновение арийцев в Месопотамию и в сопредельные области к западу могло начаться в XVIII–XVII вв., в том числе и в государство Митанни», а «контакты с хурритами... приходятся на конец XVIII — начало XVII в.» [1972, с. 275, 314]. Л.А. Лелеков полагал, что «общий первоисточник пантеонов митаннийских и пенджабских индоариев (уже или еще без иранцев) должен датироваться до начала их миграций, т.е. до XVIII в. до н.э.» [1980, с. 123], а древнеавилонские, хеттские и касситские источники «датируют индоязычную речь в Передней Азии минимум с XVII в. до н.э. и косвенно свидетельствуют о ее гораздо более раннем просачивании в данный регион» [1988, с. 171]. Следовательно, появлению переднеазиатских индоариев мог непосредственно предшествовать индоарийский субстрат в составе сейминско-турбинских сообществ. Не противоречит этому и период распада индоиранского единства, датируемый большинством исследователей не позднее второй половины III — начала II тыс. до н.э.

Но отождествление сейминско-турбинских сообществ с носителями только индоарийского диалекта противоречит ареальным и антропологическим составляющим самого феномена. На его полидиалектность намекает наличие сейминско-турбинского металлокомплекса у разобщенных западно-сибирских, уральских и восточно-европейских культурных групп. Свидетельством подобного состояния представляется композиция на ноже из Ростовки, объединяющая «индоарийскую» лошадку [Ковтун, 2008, с. 140–141; 2010, с. 110–112, 115–117] и монголоидность влекомого ею лыжника. Облик лыжника, сочетающий европеоидные и монголоидные признаки, адекватно передает черты этого населения [Дремов, 1997, с. 67], и для ростовкинской популяции вероятно присущая метисным сообществам ситуация билингвизма или диглоссии: сочетание индоарийского с иными диалектами (-ом). Думается, схожее соотношение отличало и дру-

гие сейминско-турбинские, галичские и имевшие монголоидную примесь елунинские культурные группы [Солодовников, Тур, 2003, с. 145–147, 150, 154, 156].

В.В. Иванов считает многоязычность характерным признаком аркаимо-синташтинской эпохи, присущим «всей области распространения древних металлопроизводящих городищ Южного Урала». Это удостоверяют взаимопроникновения терминов индоевропейских, особенно индоиранских и, возможно, тохарских, финно-угорских, енисейских и северокавказских языков, обозначающих металлы, колесничную атрибутику и лошадей [Иванов, 1999, с. 45–47]. Аналогичная демографическая доминанта, обусловленная металлургической специализацией, вероятно, присуща и взаимодействовавшим с аркаимо-синташтинским массивом полидиалектным сейминско-турбинским группировкам.

В Ригведе Индра разрушает крепости своих, зачастую змееподобных врагов. К ним относятся и так называемые даса и дасью, под которыми подразумеваются как мифические демоны, так и реальные противники индоариев — племена, не почитавшие индоарийских богов, не приносившие им жертв и т.п. Даже «чернокожесть» дасов/дасью, считавшаяся описанием внешности аборигенного населения [Эрман, 1980, с. 46], интерпретирована как метафора тьмы, несчастья и зла, ассоциировавшегося с противниками индоариев, не разделявшими их религиозных представлений [Шетелих, 1991, с. 7–10]. Дасью следовало только убивать, а даса могли включаться в индоарийские коллективы. Помимо метафор [Елизаренкова, 1999в, с. 200–201] индоарийские крепости в Ригведе не упоминаются. Крепости же даса и дасью стали для индоариев символом твердости и неприступности ([Елизаренкова, 1989а, с. 455–456; 1999в, с. 195, 214, 219, 224; Кузьмина, 1994, с. 73; Васильков, 1996, с. 163]; см. также: [Элиаде, 2009, с. 244]). Ряд гимнов прямо определяет принадлежность атакуемых Индрой (иногда с Агни) крепостей его противникам — даса и дасью [Ригведа, I. 103. 3; II. 20. 7, 8; III. 12. 6; IV. 32. 10]. В других гимнах подобные деяния Индры, а однажды сомы угадываются лишь по сочетаемому упоминанию разрушенных крепостей и даса/дасью [Ригведа, III. 34. 1; VIII. 98. 6; IX. 88. 4; X. 47. 4; 99. 7].

Даса и дасью не единственные противники Индры, обладающие такими крепостями. Зачастую борьба с ними представляется эпизодом основного мифа, где Индра побеждает Вритру и других змееподобных хозяев крепостей. Но помимо мифологического смыслового плана у данных фортификаций имелся реальный и наверняка не единственный архитектурный и культурно-исторический прототип. Такие крепости чрезвычайно схожи с укрепленными аркаимо-синташтинскими поселениями: «...это были поселения-крепости, для которых характерна структура, сильно напоминающая крепости дасов/дасью в РВ» [Елизаренкова, 1999в, с. 227]. Е.Е. Кузьмина, видящая в крепостях дасов разрушенные индоариями хараппские города, считает, что обозначающий их термин «r̥iḡ» «возник еще на индоиранской прародине и применялся к укрепленным поселениям типа Ливенцовки и Аркаима» [1994, с. 73]. По мнению Г.Б. Здановича, раскрытое Т.Я. Елизаренковой и ее предшественниками, особенно В. Рау [Елизаренкова, 1999в, с. 196–200], содержание термина «r̥iḡ» подразумевает ключевые составляющие аркаимо-синташтинских архитектурных конструкций и собственно аркаимского центра. Но подразумевается, что такие крепости занимали не даса/дасью, а, как и предполагал В. Рау [Кузьмина, 1994, с. 73], сами арии [Зданович, 2010, с. 206–207, 213].

Обосновано и предположение, что аркаимо-синташтинские фортификации и охватываемые ими сооружения имеют отношение к авестийской Варе ([Гуревич, 1989, с. 48–49; Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; 1995, с. 167; 2009, с. 18; Кузьмина, 1994, с. 71–72; Пьянков, 1999, с. 281; Медведев, 1999, с. 283; Михайлов, 2002, с. 201]; критику см.: [Членова, 1995, с. 180–182; Lamberg-Karlovsky, 2002, p. 69]). Думается, крепости даса/дасью Ригведы и авестийская Вара (Var) восходят к единому типу и общему прототипу подобных сооружений и к одним и тем же создававшим их культурным группам. Очевиден и композитный характер обоих образов. Их прототипические составляющие аккумулировались столетиями культурно-исторического опыта доведийских протоиндоариев и доавестийских протоиранцев. Архаизмы подобных представлений, вероятно, относятся к эпохе контактов и конфликтов обособившихся носителей этих двух диалектов индоиранской общности. С указанным историческим периодом и связано сохраненное устной традицией и перенесенное в Ригведу и Авесту переживание укрепленного глинобитными стенами оборонительного, культового, жилого и хозяйственного комплекса, защищавшего древних иранцев (протоиранцев) от противостоящих им и их крепостям индоариев (протоиндоариев) и других противников.

Помимо глинобитных (глиномятных) стен памятников аркаимо-синташтинского типа, соответствующих Варе Видевдата [Михайлов, 2002, с. 201], и схожих стен крепостей врагов индоариев в Ригведе [Елизаренкова, 1999в, с. 197, 198, 207, 208], эти сооружения связывает календарная символика. Укрепления противников индоариев имеют эпитет — «осенние крепости». Он использован трижды [Ригведа, I. 131. 4; 174. 2; VI. 20. 10] и получил различные истолкования: даса уходили в свои крепости осенью, когда на них нападали индоарии (А.Э. Макдонелл, А.Б. Кейтс, К.Ф. Гельднер), или же это были временные укрепления, построенные осенью и каждую осень нуждавшиеся в починке/перестройке (В. Рай) (обзор: [Елизаренкова, 1999в, с. 197, 216–217]).

Во всех гимнах с эпитетом «осенняя крепость» фигурирует наименование индоарийского племени пуру и (или) имя одного из его предводителей-царей [Ригведа, I. 131. 4; 174. 2; VI. 20. 7, 10]. Борьбу с «осенними крепостями» дасов лидера пуру Пурукутсы продолжает его сын, следующий царь Трасадасью (о генеалогии: [Ригведа, IV. 42. 8, 9; VIII. 19. 36; Чаттопадхьяя, 1961, с. 633–634; Елизаренкова, 1989б, с. 749]). Уже его имя («чи враги трясутся» [Елизаренкова, 1989б, с. 609]) подразумевает борьбу с дасью. К индоарийской архаике, вероятно, восходят упоминание Трасадасью в гимне-диалоге Индры и Варуны и обстоятельства его рождения, ставшего следствием жертвоприношения (коня?) Семерым риши [Ригведа, IV. 42. 8, 9; Елизаренкова, 1989б, с. 748–749]. Подобно Индре, помогавшему его отцу, Трасадасью также проламывает крепости своих врагов [Ригведа, I. 112. 14]. Вместе с Трасадасью побеждает дасью его чудесный боевой конь — Дадхикра [Топоров, 1994б, с. 347], отбивающий в боях нагруженную на вражеских колесницах добычу. Конь противопоставляется колесницам: всегда обгоняет их, отнимает их добычу, выигрывает у них состязание [Ригведа, IV. 38. 1, 3, 4, 6, 7].

Пуру, его цари, а равно царский конь причастны к борьбе с «осенними крепостями» (см. также: [Ригведа, VII. 5. 3, 6; и др.]), с дасью и обладателями боевых колесниц. Пуру одна из двух самых древних индоарийских группировок, первые мигранты, воспетые и высококочтимые в эпосе [Лелеков, 1982, с. 152]. Возможно, именно предки данного этнокультурного сообщества столкнулись с использовавшими колесницы строителями и защитниками «осенних крепостей». Причастность доведийских «протопуру» к индоарийскому субстрату сейминско-турбинских сообществ может удостоверяться еще и локализацией ведийских пуру, проживавших на берегах Сарасвати [Эрман 1980, с. 45], прообразом которой является Волга [Членова, 1984, с. 96; Редди, 1997, с. 150, 153].

В эпитете «осенняя крепость» выделась мифокалендарная метафора ежегодной битвы Индры с Вритрой — обладателем подобных крепостей, шедшей с конца осени и весь холодный сезон [Тилак, 2002, с. 300–301]. Война с «осенними крепостями» это намек на возобновление в конце каждого года такого космогонического противоборства [Елизаренкова, 1989б, с. 625]. В Ригведе эту канву основного мифа иллюстрирует указанное противостояние [Иванов, Топоров, 1974, с. 41–42, 45], приходящееся на стык Старого и Нового Года [Кейпер, 1986, с. 31; Топоров, 1990, с. 20; Элиаде, 2009, с. 258; и др.]. Выделение переходного мифокалендарного периода относится еще к индоиранской общности. Поэтому подобный мотив неявно присутствует и в Авесте при описании приумножения-вращения мира и постройки Вары Йимой [Видевдат, 2]. Содержание первого действия и сопутствующие ему астральные и количественные символизации восходят к архаичному олицетворению первых девяти — солнечных месяцев календарного года. Момент же разграничения двух деяний Йимы приурочен именно к осеннему периоду, когда он начинает строить Вару — «осеннюю крепость» противников индоариев. Структура изложения сводится к повторению троекратной единообразной текстовой модели:

«8. И вот царству Йимы *триста* зим настало. И тогда эта земля наполнилась мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями...

10. Тогда Йима выступил к свету в полдень на пути Солнца. Он этой земле дунул в золотой рог и провел по ней кнутом, говоря:

“Милая Спэнта-Армайти, расступись и растянься вширь...”

11. Вот так Йима эту землю раздвинул на *одну треть* больше прежнего...» [Видевдат, 2. 8–11].

Это текстуальное клише повторяется еще дважды, но «триста зим» замещаются «шестьюстами» и затем «девятьюстами», земля же при этом раздвигается на «две трети», а затем на «три трети» [Видевдат, 2. 12–19]. Количественная символика приведенного смыслового ряда выражена удвоением и утроением исходного числового значения. Первые 300 лет царства Йимы соответствуют одной трети раздвинутой, т.е. приращенной им, земли, 600 лет — двум третям, а 900 лет — трем третям. Такая последовательность передана рядом кратных чисел: 3–6–9. Здесь

исходная треть желаемого целого, дважды увеличиваясь на собственную величину, достигает значения данного целого, или трех его третей. Так описываются три последовательных равнопродолжительных цикла достижения конечности мироздания. Затем следует предупреждение о грядущих бедах и необходимости постройки спасительной Вары и наступает четвертый, эсхатологический период, несущий «смертельный холод», «зимы», «тучи снега», а затем потоп [Видевдат, 2. 22–24].

Числовые значения, используемые при описании конструкций и элементов убежища, зеркально отображают три фазы расширения жизненного пространства. Три округа Вары и количество сделанных в них проходов идентичны числовой символизации деяния Йимы по приумножению-вращиванию мира:

«38. В переднем округе [Вара] он сделал *девять* проходов, в среднем — *шесть*, во внутреннем — *три*» [Видевдат, 2. 38].

Эта последовательность симметрична числовому ряду, символизирующему расширение мироздания, только передана она зеркально, в обратном порядке: 9–6–3. Логика подобного «обратного отсчета» задана пространственно-временными пределами земного царства Йимы. Его существование ограничено 900 годами увеличения жизненного пространства, границы которого на исходе мира сужаются до внешнего округа Вары с девятью проходами. За этим рубежом «смертельный холод», «плотский злой мир» и т.п. Следовательно, девятизначностью, как и девятичастностью, олицетворяется предельность крайней пространственно-временной грани вращенного Йимой мира. Поэтому девять проходов внешнего округа Вары, кратные 900 годам расширения земли, ассоциируются с числовой символизацией длительности благоприятного времени года с возрастающим или превалирующим светлым временем суток. Продолжительность такого календарно-астрономического периода составляет девять месяцев: от «рождения» нового солнца после дня зимнего солнцестояния до начала его «умирания» после дня осеннего равноденствия.

Подобие этой мифокалендарной ситуации обнаруживается в литовской мифологии в сюжете с образом Совия — первого умершего смертного. Совий просит девяти сыновей испечь девять селезенок, вынутых из пойманного им вепря. Но дети не послушались и съели селезенки. В гневе Совий пытается спуститься в ад через восемь ворот, но терпит неудачу. Тогда один из сыновей (девятый?) указывает ему девятые ворота и Совий проникает в преисподнюю. Позднее, после неудачных погребений в земле и дереве, Совий предается огню [Топоров, 1985, с. 101; 1994в, с. 457–458; 2006, с. 235; Белова, Петрухин, 2008, с. 128–129]. Думается, на ведийско-авестийские параллели образу Совия указывает мотив его охоты на вепря, пораженного Тритой-Трайтаоной. В имени героя усматривалась и параллель с ведийским солнечным божеством Савитаром, и архаичное индоевропейское словообразовательное ядро [Топоров, 1986, с. 87, 89; 1994в, с. 458]. Описания же Савитара, ведущего умерших к предназначенным им местам [Ригведа, X. 17. 4], связанного с погребальными обрядами [Атхарваведа (Шаунака), XII. 2. 48; Satapatha-Brahmana, XIII. 8. 3. 3] и путями, сблизивают его с Варуной и ведущим людей по пути смерти Ямой [Дандекар, 2002, с. 51, 61, 86], а через него и с Совием. Ключевое сходство Совия с Йимой и с его ведийским аналогом Ямой обусловлено их общим статусом первопредков и первых умерших смертных [Фанталов, 2001, с. 16].

Мифокалендарное значение числовой символики балтийского сюжета усиливается ее дублированием и соотносится с девятью солнечными «домами» зодиака. По мнению В.Н. Топорова, они соответствуют девяти месяцам, но от весеннего равноденствия, до порождения «нового солнца», и девяти колесницам солнца в литовских песнях. Поэтому календарная семантика сюжета о Совии сводится к олицетворению годового движения солнца [Топоров, 1994в, с. 457–458]. Аналогичное уподобление присуще и девяти сыновьям Сканды, также образующим набор солнечных месяцев [Иванов, Топоров, 1974, с. 51].

Сын солнечного божества Вивахванта Йима тоже сохраняет черты солярного героя [Лелеков, 1994, с. 599], и его деяния совершаются «к свету в полдень на пути Солнца». Увеличение жизненного пространства начинается со дня весеннего равноденствия, или через 300 лет царства Йимы, символизирующих три календарных месяца, прошедших с момента зимнего солнцестояния. Это момент рождения «нового солнца», с которого начинается его смещение к северу и увеличение полуденной высоты, длящиеся до летнего солнцестояния [Селешников, 1970, с. 30–31]. Второй аналогичный акт приурочен к летнему солнцестоянию (через 600 лет с

начала царства, соответствующего следующему трехмесячному циклу). Заключительное действо происходит через 900 лет с начала царства, т.е. календарно еще через три месяца, во время осеннего равноденствия. Приумножение-вращивание Йимой мира «на пути Солнца», пролежавшем между восходом и закатом, с их сезонными смещениями к северу и югу, вероятно, следовало этому пути. Между осенним и весенним равноденствиями он смещен к югу, а после весеннего и до осеннего равноденствия смещается к северу [Там же]. Йима начинает свои акты «в полдень». Поэтому его ориентиром являлось движение Солнца в послеполуденное время, т.е. на закат, с последней недели марта до последней недели сентября, когда оно восходит на востоке-северо-востоке и заходит на западе-северо-западе (северо-востоке — северо-западе, в период летнего солнцестояния). Следовательно, Йима трижды за девять месяцев расширял свое царство в северо-западном направлении. После такого продвижения на северо-запад он закономерно сталкивается с зимой, холодом и снегом. Накануне испытаний Йима создает Вару, время постройки которой совпадает с сезоном возведения и ремонта «осенних крепостей» даса/дасью в Ригведе.

Считается, что Йима продвигается в благую ахуровскую южную сторону, а не к дэвовскому северу. Подобное представление, вероятно, восходит к западным переводам XIX в., предшествовавшим переводу Авесты Д. Дармстетером: «Then Yima stepped forward, in-light, south-wards, on the way of the sun» и т.д. [The Zend-Avesta..., 1895, p. 13–14]. Такая направленность Йимы связывается еще и с исторической миграцией арийских или древнеиранских племен в южном направлении [Кузьмина, 1988, с. 56; Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; 1995, с. 166; 2009, с. 15, 18; Членова, 1995, с. 179]. Предложен и русский перевод этого фрагмента Видевдата, с упоминанием «юга» [Лушникова, 2004, с. 181]. Но среди русскоязычных переводов трактовка «двинулся на юг», по-видимому, уникальна (ср.: [Авеста в русских переводах..., 1998, с. 77–86]).

Подобные выводы не противоречат вышеизложенной интерпретации. Они отражают содержание зороастрийской редакции и кодификации памятника, а не лежащий в основе второго фрагмента Видевдата архаичный мифокалендарный прототекст. Мифологическое ядро Авесты перекликается с Ригведой и восходит к индоиранской общности, т.е. к III тыс. до н.э. [Абаев, 1982, с. 19]. Поэтому выделенному инвариантному остатку древнеиранских (протоиранских) календарно-обрядовых представлений, воплощенных в идее приумножения мира на пути к Вару, соответствуют синхронные индоарийские (протоиндоарийские) образы «осенних крепостей». Начавшие формироваться при взаимодействии сейминско-турбинских и аркаимосинташтинских сообществ образы «осенних крепостей» Ригведы и древнеиранской Вары, по-видимому, подтверждают идею К. Йеттмара о древней альтернативной системе (системах) индоарийского пантеона. Его центральной фигурой был не Индра, а Яма, соотносящийся со строителем Вары Йимой [Йеттмар, 1986, с. 191]. Истоки же этих персонажей восходят к их общему индоиранскому корню и к эпохе строительства аркаимосинташтинских фортификаций.

Исторический прообраз даса/дасью главным образом связывали с коренным населением Индии и прилегающих территорий [Барроу, 1976, с. 42; Чаттерджи, 1977, с. 43, 52, 61, 75, 77–78; Макаев, 1977, с. 30–31; Шетелих, 1991, с. 5–6; Кузьмина, 1994, с. 73; Елизаренкова, 1999а, с. 461; Элиаде, 2009, с. 244; Чайлд, 2009, с. 42; и т.д.]. А. Парпола ассоциировал даса, дасью и пани с первой волной арийских завоевателей около 2000 г. до н.э., пришедших из арианизированного ими Бактрийско-Маргианского археологического комплекса в Северо-Западную Индию до индоариев второй волны, появившихся там около 1800 г. до н.э. [Елизаренкова, 1999в, с. 223–226; Кузьмина, 2008, с. 127–128]. Подобная модель индоарийской миграции одновременно предлагалась и другими исследователями [Лелеков, 1988, с. 169–170]. Хотя сама идея «волнового» проникновения носителей индоарийских диалектов в Индию обосновывалась и ранее ([Барроу, 1976, с. 34–35; Эрман, 1980, с. 42; Лелеков, 1982, с. 152; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 914–915]; см. также по: [Елизаренкова, 1999в, с. 223–224; Арутюнов, 2003, с. 428–429; и др.]).

Э. Бенвенист, по-видимому, вслед за И.П. Минаевым [1962, с. 10], полагал, что ведийское *dasyu* — дасья «употреблялось прежде всего в отношении иранцев и представляло собой имя, которым этот враждебный индийцам народ называл самого себя... по этой причине оно приобрело коннотацию враждебности и превратилось для индийских ариев в синоним обозначения варварского народа, стоящего на более низкой ступени развития» [1995, с. 211]. С Восточным Ираном и с северо-западной Индией связывает местонахождение даса/дасью и С.К. Чаттерджи [1977, с. 52]. Реконструкция Т.Я. Елизаренковой позволяет хотя бы отчасти ассоциировать этот мифодемонизированный образ врагов индоариев с комплексом Аркаима — Синташты. Предпо-

Сейминско-турбинские древности и индоарии

лагается раннедревнеиранский характер синташтинских памятников [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 854] или же их причастность к древнеиранскому этносу либо к восточно-иранскому диалекту скифской (аланской) группы, финно-угорскому и (пра)енисейскому языку при явном преобладании восточно-иранского субстрата [Михайлов, 1999, с. 430; 2002, с. 200–204; Иванов, 2004, с. 63]. Это подтверждает сопоставимость аркаимо-синташтинских сооружений с архаичным образом Вары, присущим устной древне- или протоиранской традиции до его зороастрийской редакции в Видевдате. Но к каким культурным группам восходят истоки этого же образа, фигурирующего в качестве «осенних крепостей» врагов индоариев в Ригведе?

Сопоставимыми по уровню технологического развития противниками строителей укрепленных поселков и обладателей аркаимо-синташтинских колесниц могли быть либо абашевские сообщества с аналогичными транспортными средствами, либо создатели сейминско-турбинского оружия. В этом оружейном наборе имеются и «противоколесничные» копья с крюком, которые могли использоваться против абашевских, синташтинских и петровских колесничих [Черных, Кузьминых, 1989, с. 272]. Даты сейминско-турбинских памятников Сатыга XVI и Юринский могильник удостоверяют их частичную синхронизацию с синташтинскими материалами [Епимахов и др., 2005, с. 93, 97, табл. 3; с. 99–100, рис. 3; Юнгнер, Карпелан, 2005, с. 112; Епимахов, 2007, с. 406]. Поэтому, наряду с абашевским, сейминско-турбинский комплекс это единственный сопредельный и хронологически синхронный аркаимо-синташтинскому массиву культурный феномен, сравнимый с ним по уровню развития.

Отмечается взаимодействие сейминско-турбинского населения с зауральскими абашевско-петровскими, синташтинскими, приуральскими позднеабашевскими, поволжскими потаповскими и покровскими группировками. В Волго-Камье сейминско-турбинские материалы демонстрируют отчетливые абашевские и срубные связи [Соловьев, 2009, с. 95]. Приводятся свидетельства первоначальных столкновений абашевцев с сейминско-турбинскими группами (убитые воины в Пепкинском, Староардатовском и других могильниках), вытеснившими их с правобережья Волги в Волго-Вятское междуречье [Большов, 2003а, с. 71–72; 2003б, с. 53]. Локализация поздневолосовских поселений на труднодоступных для внезапного нападения мысах также связывается с эпохой, когда «мирное развитие поздневолосовских, абашевских и балановских племен прерывается вторжением на эту территорию сейминско-турбинского населения» [Большов, 2003б, с. 53].

Масштабные следствия этого эпохального процесса вызвали «дестабилизацию волгоуральской культурной среды» [Бочкарев, 2010, с. 58]. Импульс из среды «носителей турбинских металлургических традиций» представляется «катализатором процесса синташтинского культурогенеза» [Ткачев, 2007, с. 307, 312]. С сейминско-турбинским давлением связывается и смещение значительного массива синташтинского населения из Южного Зауралья в степное Приуралье и в районы тургайского прогиба [Ткачев, 1995, с. 169]. Предположение о конфронтации синташтинского и сейминско-турбинского населения [Черных, Кузьминых, 1989, с. 272] подтверждается близостью отдельных категорий их оружия и орудий, костяных панцирных пластин из Ростовки и Каменного Амбара 5 [Гончарова, Бехтер, 1999, с. 123–125; Большов, 2003а, с. 71].

Исследователи аркаимо-синташтинских комплексов отмечают «следы неоднократных пожаров и перестроек на поселениях. Причины пожаров остаются непонятными. Они не сопровождаются следами войны. Нет оружия, убитых людей. Отложение культурных слоев свидетельствует об исходе их жителей и о временном запустении протогородов» [Малютина, 1999, с. 119]. Следы пожара отмечены для самого Аркаима [Зданович, 1995, с. 25], и подобная же картина зафиксирована на укрепленном поселении Куйсак, где сожжена оборонительная система первого и конструкции второго строительного этапа [Малютина, Зданович, 1995, с. 103–104]. На укрепленном поселении Аландское выделяются три слоя пожарищ, маркирующие три строительных горизонта синташтинского этапа [Зданович и др., 2007, с. 105]. Признаки пожара отмечаются и для синташтинско-петровского горизонта укрепленного поселения Каменный Амбар. Здесь следы огня и концентрация продуктов горения в двух исследованных постройках нарастают по мере приближения к оборонительной стене [Корякова и др., 2011, с. 66]. Это позволяет предполагать внешний источник возникновения огня и распространения пожара. Подобные пожары (помимо бытовых) и есть те «следы войны», «отсутствие» которых смущает представляющих иные последствия вооруженных столкновений. Но эпохальные особенности вооруженных конфликтов в конкретной исторической ситуации исключают картину изобилия брошенного оружия, массовых захоронений погибших и костяков воинов, оставшихся на поле

боя. Тактика присущегономадам внезапного и молниеносного, возможно, ночного налета на укрепленный поселок имела целью не тотальное истребление его защитников, чреватое собственными потерями, а уничтожение самого поселения. Очевидны и сравнительно скромные ресурсы противоборствующих сторон. Поэтому археологическая фиксация конфронтации аркаимосинташтинских племен с их противниками сводится к отражению достигнутой цели нападения — сожженного и покинутого жителями поселения. Именно так и поступает с дасью сам Индра:

«Ты низверг огонь с неба на дасью — сверху» [Ригведа, I. 33. 7].

О неуступчивости синташтинцев и петровцев свидетельствует отсутствие сейминско-турбинских комплексов на Южном Урале. Аркаимосинташтинское, а затем петровское население данного региона «жестко контролировало этот меденосный район и сохраняло монополию на разработку рудников» [Ткачев, 2001, с. 4–5]. Предполагалось, что аркаимосинташтинские укрепленные поселения воздвигались для охраны района медных месторождений [Кузьмина, 1994, с. 71]. Поэтому с приходом на восточные склоны Урала сейминско-турбинские мигранты воспользовались расположенными севернее месторождениями медно-мышьяковой руды Таш-Казгана и медно-серебряной — Никольского, на которых базировался зауральский абашевский металлургический очаг [Черных, Кузьминых, 1989, с. 273]. Потерявшие же таш-казганскую рудную базу синташтинцы «были вынуждены искать альтернативные источники медной руды, которыми стали Еленовско-Ушкаттинские и близкие им рудоуправления в Мугоджарах» [Ткачев, 1995, с. 170].

Предполагая вклад абашевских и синташтинских племен в формирование собирательных праобразов даса и дасью, не следует ожидать однозначных культурно-исторических соответствий описаниям Ригvedы. Масштабы противостояния и неприступность крепостей многократно преувеличены, что характерно для героического эпоса, элементы которого демонстрируют данные сюжетные фрагменты самхиты. Поэтому тотальная война Индры и его народа с дасью никогда не найдет прототипического археологического подтверждения. В реальности конфликты перемежались с контактами и взаимодействием с «господином крепости», упоминающимися в Ригvedе [Елизаренкова, 1999в, с. 211], а вождь даса восхваляется за защиту брахманов [Элиаде, 2009, с. 244] и принесенные жрецу ариев подарки [Ригведа, VIII. 46. 32; Елизаренкова, 1999б, с. 702], что также отразило неоднозначность исторических реалий. Это удостоверяет включенность даса в культурную общину ариев и отсутствие между ними этнического барьера [Елизаренкова, 1999б, с. 702].

Такая амбивалентность реликтов доведийского состояния, как и другие свидетельства мирных отношений и схожих представлений синташтинских и сейминско-турбинских сообществ, а равно включение в «ведийский этнос» дасов [Лелеков, 1982, с. 153] объясняются нелинейной филиацией индоиранского единства. Установленные следствия индоарийско-древнеиранского (протоиндоарийско-протоиранского) языкового взаимодействия отображают культурно-исторические реалии финала III — первых веков II тыс. до н.э. Э.А. Макаев, вслед за А. Мейе полагающий, что протоиндийский и протоиранский языки восходят к близкородственным, но различным индоевропейским диалектам, объяснял их соответствия долгим и тесным географическим и культурным контактированием [1977, с. 31, 36, 45, 46 и др.]. По другой версии, неединообразие позднейшего «общеиранского» состояния своими истоками уходит в индоиранский массив [Эдельман, 1992, с. 49, 53, 55, 64–65 и др.]. Глубочайшие рассогласования протоиранского и протоиндийского лингвистических состояний и несводимость акцентных систем этих языков и др. указывают на изначальную немонолитность индоиранского «единства» [Лелеков, 1988, с. 176]. При этом системные взаимопроникновения трудносочетаемых индоарийских и иранских элементов культуры [Лелеков, 1980, с. 122] отражают полиморфизм сосуществования и дивергенции этого немонолитного и неоднородного диалектного континуума индоиранской общности [Эдельман, 1992, с. 59, 60 и др.]. Культурно-историческая проекция подобного состояния моделирует ситуацию социо- и этнолингвогенеза «со «слипанием» различных и даже разноязыких родоплеменных группировок в более крупные объединения при весьма неравномерном, вернее непредсказуемом обмене культурными ценностями и элементами словаря» [Лелеков, 1980, с. 122]. Ключевыми участниками такого синтетического этнолингвокультурного взаимодействия и представляются сейминско-турбинские, синташтинские и абашевские группировки.

Суммируем археологические свидетельства контактов между сейминско-турбинскими, синташтинскими и абашевскими племенами. Это металлические орудия «евразийского» типа из

сейминско-турбинских комплексов, имеющие соответствия в синташтинских памятниках: топоры втульчатые, массивно-обушные, плоские топоры-тесла, долота узкие стержневидные и в одном случае втульчатое с разомкнутой втулкой, серпы [Черных, Кузьминых, 1989, с. 128; Дегтярева, 2010, с. 90, 92, 95, 98]. Аналогичные случаи отмечены и для оружейного комплекса, представленного наконечниками копий и ножами-кинжалами. Но подобные заимствования свидетельствуют не столько о контактах, сколько о вооруженных конфликтах. В Ростовке найден наконечник копья «синташтинского типа» с кованной относительно короткой разомкнутой втулкой и длинным листовидным пером [Черных, Кузьминых, 1989, с. 64–66, рис. 25, 1; Anthony, 2007, р. 447]. Аналогичные синташтинские копья «евразийского» типа происходят из Сеймы, Усть-Гайвы и Юринского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, с. 64–66, рис. 25, 2, 3; Дегтярева, 2010, с. 122]. В Турбинском и Коршуновском могильниках имеются копья с коротким треугольным пером и удлиненной орнаментированной втулкой, напоминающие абашевские или синташтинские из Синташты II [Черных, Кузьминых, 1989, с. 64, 65, рис. 24, 1, 2; Дегтярева, 2010, с. 122], а также вислообушные топоры, наконечники копий и браслеты, фигурирующие в абашевских памятниках [Ткачев, 2001, с. 3; 2007, с. 280]. Предполагается также, что в сейминско-турбинских (и в позднеабашевских, петровском, покровских) комплексах более распространен морфологически близкий (?) отмеченному синташтинскому тип литого наконечника копья с ушком и валиком вдоль края втулки [Дегтярева, 2010, с. 122]. Сейминско-турбинскими металлургами заимствованы и некоторые типы «евразийских» черенковых ножей. Это изделия с удлиненным узким черенком и листовидным, реже подтреугольным клинком; с подромбическим или округлым удлиненным черенком, перехватом, ребром жесткости или без ребра; с ромбической пяткой черенка, перекрестьем, перехватом, в основном с ребром жесткости [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101; Дегтярева, 2010, с. 103–104, 106, 109, 111]. На отдельных сейминско-турбинских пластинчатых ножах с выделенным массивным черенком появляется продольное укрепляющее ребро, заимствованное из абашевского, срубного или андроновского очага металлообработки [Черных, Кузьминых, 1989, с. 92, 94–95; Дегтярева, 2010, с. 104].

Наряду с привнесенными, изготовленными вне сейминско-турбинской среды вещами, зафиксированы изделия «евразийских» форм, сделанные из сейминско-турбинского металла. Выделяются и погребения абашевских инкорпорантов в Турбинском могильнике, а также захоронения в Ростовке, восходящие к синташтинско-петровскому пласту [Черных, Кузьминых, 1989, с. 224–225, 272, 274]. Отмечается, что «часть абашевцев включается в сейминско-турбинские отряды не только в Приуралье (Турбино), но и на Средней Волге, как о том свидетельствуют окские могильники Сейма и Решное» [Кузьминых, 2001, с. 18]. Абашевский компонент становится заметной частью сейминско-турбинского движения на запад, что удостоверяется абашевским металлом в Турбинском и Юринском могильниках и абашевскими сосудами в могильнике Решное [Большов, 2003б, с. 53]. Об отличных от соприкосновений с синташтинцами взаимоотношениях сейминско-турбинских и абашевских сообществ свидетельствует и использование первыми металлургической базы последних [Черных, Кузьминых, 1989, с. 273–274]. Возможно, именно на фоне подобных межкультурных взаимодействий и формировалось доведийское представление об иноплеменниках и врагах, позднее выведенных в Ригведе как даса — условные «абашевцы», которые, в отличие от подлежащих уничтожению дасью — условных «синташтинцев», могли включаться в состав индоарийских сообществ.

Параллельно в синташтинских памятниках массово появляются наконечники копий, сопоставимые по пропорциям с сейминско-турбинскими, а значительную долю петровского металлокомплекса (1960–1680 гг. до н.э. [Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3]) составляют изделия из оловянистых бронз [Ткачев, 2001, с. 4–5]. У синташтинцев же доля изделий из нехарактерных для них оловянистых бронз достигала 5,3 %. Этот набор также отражает контакты с «турбинскими и петровскими племенами, которые являлись основными посредниками в распространении оловянной лигатуры» [Дегтярева, 2010, с. 88, 143]. В могильнике Кривое Озеро найден наконечник копья со «слепой» втулкой, напоминающий сейминско-турбинские, но с продольным ромбическим стержнем [Виноградов, 2003, с. 69, рис. 26, 1; с. 70; Anthony, 2007, р. 447]. В синташтинском погребении Танаберген II, 7/22, обнаружен модифицированный втульчатый топор-тесло, сопоставимый с сейминско-турбинскими кельтами, а синташтинские наконечники стрел демонстрируют тождество в оформлении нервюры, способах проковки и заточки пера с некоторыми сейминско-турбинскими вильчатыми наконечниками копий [Ткачев, 2007, с. 283, 287]. Сейминско-турбинским импортом в синташтинских погребениях у горы Березовой представляются нож-

пила и черенковый нож с выделенным подпрямоугольным массивным черешком и листовидным клинком без ребра (КТР НК-6 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 95]) и, возможно, чекан-пробойник из Каменного Амбара 5 [Дегтярева, 2010, с. 94–95, 100, 104, 144].

Небезынтересны четыре кристалла горного хрусталя (один — дымчатый топаз) из погребения и в скоплениях в том числе у могил из Ростовки. Аналогичные минералы происходят из большого грунтового Синташтинского могильника, синташтинских могильников Каменный Амбар 5 и Большекараганского, а также из раннеалакульского Чистолебяжского некрополя [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7, 9, 31, 36; Генинг и др., 1992, с. 190–191; Михайлов, 1999, с. 427–431; 2001, с. 61–62; Зданович и др., 2002, с. 158]. Восходящие к раннему диалектному ареалу индоевропейского языка олицетворения горного хрусталя сводятся к мотивам холода и зимы, включая древнюю синонимичность понятий «кристалл», «лед» и «холод», а также представление о горном хрустале как о натающем льде [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 682; Михайлов, 2001, с. 65]. Данный семантический план совместим с ведийским эпизодом уникального убийства Индрой глыбой льда (льдиной, снегом [Ригведа, VIII. 32. 26]) змееподобного демона Арбуды [Тилак, 2002, с. 300], в имени которого видятся названия горы и автохтонного племени [Топоров, 1994а, с. 98], противостоявшего индоариям.

В погребениях Ростовки и Каменного Амбара 5 [Михайлов, 2001, с. 61–62] вместе с горным хрусталем найден азурит малахит [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7]². Безотносительно к смысловому значению самой минералогической комбинации, сейминско-турбинский и синташтинский комплексы связывает совпадение уникального сочетания в одном захоронении двух аналогичных минералов. К таким соответствиям, относится и находка бусины из бирюзы в петровском (раннеалакульском ?) погребении могильника Верхняя Алабуга [Потемкина, 1985, с. 190, рис. 80, 8; с. 196–197], располагающей аналогом из вышеупомянутой могилы в Ростовке [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7]³. Обнаруженный вместе с верхнеалабужской бусиной двулезвийный нож соответствует массовому типу синташтинских ножей (ср. по: [Потемкина, 1985, с. 190, рис. 80, 11; Дегтярева, 2010, с. 109, табл. 12; с. 110–112]). Поэтому бусины из бирюзы свидетельствуют об одновременности южного влияния на синташтинско-петровское население и сейминско-турбинский коллектив Ростовки. Бусы из бирюзы отмечаются в качестве устойчивого признака петровских захоронений [Зданович, 1983, с. 63], а Е.Е. Кузьмина упоминает еще и о крестовидных бусах из бирюзы в Сопке II [1988, с. 52].

Свидетельством длительного обособления и взаимосвязанного раннего этнолингвогенеза индоарийской и древнеиранской ветвей, вероятно, являются и колодцы Аркаима, на дне которых зафиксированы побывавшие в огне жертвенные копыта, лопатки и закрепленные по кругу нижние челюсти коров и лошадей. Колодцы связаны воздухопроводными каналами с поддувалами находившихся рядом металлургических печей [Зданович, 1995, с. 38]. Думается, здесь прослеживаются доведийские ритуальные установления и истоки сюжета с Тритой в колодце [Ригведа, I. 1. 105; Махабхарата..., гл. 35]. Возможно, к данным жертвенникам восходит идея мысленного исполнения сидящим в колодце Тритой жертвенного обряда как залога своего спасения (см. также: [Елизаренкова, 1989б, с. 604; Боголюбов, 2002, с. 87; Топоров, 2006, с. 482; Елизаренкова, Топоров, 2010, с. 170]). Индоевропейские и индоиранские истоки этого персонажа и его авестийской параллели — Трайтаоны [Топоров, 2006, с. 479–504], а равно древность самого образа Триты, предшествовавшего Индре в качестве героя основных мифов [Macdonell, 1897, р. 68–69; Елизаренкова, 1989а, с. 495], удостоверяют вероятность филиации подобного сюжетного мотива в преимущественно ираноязычной аркаимо-синташтинской среде.

Обоюдному восприятию инокультурной технологии и элементов материальной культуры сопутствовали процессы языкового контактирования. Ранние индоарийские заимствования в финно-угорских языках [Абаев, 1972, с. 27–29, 36; 1981, с. 84–86; Гиндин, 1974, с. 154; 1992, с. 60; Барроу, 1976, с. 27–28; Лелеков, 1982, с. 157; Членова, 1984, с. 96–98; Кузьмина, 1997, с. 186; Редеи, 1997, с. 141–155; и др.] также могут удостоверить взаимодействие сейминско-турбинского и галичского населения с носителями данных диалектов. Некоторые подобные заимствования свидетельствуют о характере межэтнокультурных соприкосновений. Они также сводятся к противопоставлению индоариев — арья и неиндоариев — даса/дасью. Здесь необходимо абстрагироваться от многозначности самого термина «арья» [Макаев, 1977, с. 30–31;

² Минерал неверно определен как лазурит, новое определение выполнено Л.А. Зыряновой, ТГУ.

³ Минерал неверно определен как нефрит, новое определение выполнено Л.А. Зыряновой, ТГУ.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 755, 924; Лелеков, 1982, с. 148–161; Елизаренкова, 1989а, с. 455; и др.]. Существенным в данном случае представляется его содержание в финских и финно-пермских диалектах, где «арья» — «огја», как впервые было установлено А. Йоки, означает «раб» [Абаев, 1981, с. 85; Лелеков, 1982, с. 157; Редеев, 1997, с. 153; и др.]. В.И. Абаев считал, что данное заимствование с равным правом можно рассматривать как протоарийское, протоиндоарийское или протоиранское [1981, с. 85]. По Л.А. Лелекову, это безусловное свидетельство контактов «древних финнов» с индоариями [1982, с. 157]. К. Редеев определяет «огја» как финно-пермскую этимологию, относящуюся к ранним праиндоиранским заимствованиям [1997, с. 150, 153]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов относят «огја» к финно-волжским заимствованиям из раннеиранского [1984, с. 924].

Полную параллель приведенному значению «огја» являет архаическое индоарийское словоупотребление термина «даса» [Лелеков, 1982, с. 157]. В поздних частях Ригведы «даса» также употребляется в значении «слуга», «раб» [Барроу, 1976, с. 42; Эрман, 1980, с. 46; Елизаренкова, 1989а, с. 455–456; 1999в, с. 215; Васильков, 1996, с. 163; Элиаде, 2009, с. 244]. Аналогичная трактовка присуща и «дасью». С.К. Чаттерджи видел в покоренных даса либо рабов, либо шудр [1977, с. 78]. Э. Бенвенист полагал, что авестийскому обозначению 'страны', *dahyu* (древнее *dasyu*), в санскрите соответствует *dasyu*: «В авестийском и староперсидском *dahyu* значило 'страна'; в ведийском же *dasyu* значило 'раб-чужестранец'... *Dasyu* — это чужестранцы, с которыми приходилось сражаться ариям; это варвары, рабы... Таким образом, смысловое отношение между *dahyu/dasyu* отражает конфликт между индийскими и иранскими племенами» [1995, с. 211]. Еще в 1880 г. вероятность подобных взаимоотношений констатировал И.П. Минаев: «...зэнд. *дангу* значит "провинция" и этимологически вполне соответствует санскр. *дасью*, но на индийской почве последнее слово значит только «разбойник», «враг» [1962, с. 10]. Вероятно, подобное состояние соответствует позднему значению *dāsyu* — «грабитель, разбойник» [Барроу, 1976, с. 42]. Параллель между *dāsa/dasyu* в Ригведе и иранским **dahal/*dahyu* проводят и другие авторы: «...древнеперсидское слово *dahyu*, вначале являвшееся названием народа, проживающего на определенной территории, метонимически стало использоваться для обозначения данной территории, а затем в результате генерализации этого значения приобрело смысл "страна"». Таким образом, «в Синде, Панджабе и Восточном Иране жили даса-дасью, или даха-дахью» [Чаттерджи, 1977, с. 52, 75]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов также усматривают соответствие между др.-инд. *Dāsa, dāsyu*- 'чужеземное племя' и др.-перс. *dahyu*- 'область империи' [1984, с. 917]. Для индоиранского языкового состояния в значении «раб», «чужой» восстанавливается $\sqrt{das-}$ и $\sqrt{des-}$ (др.-инд. *dasyu-*) с указанием, что в иранском от этого корня образованы слова со значением «человек» [Герценберг, 1972, с. 57–58]. Здесь, вероятно, подразумевается *daḥa* — «человек» в хотанском, одном из восточно-иранских диалектов. Отсюда смысл *dahyu*, как производного от $\sqrt{das-}$, означал для древних иранцев «наиболее широкую общность людей в пределах данного племени и территории», тогда как «для индийцев этот же *dahyu*... представлялся как 'раб-чужестранец'» [Бенвенист, 1995, с. 196, 211]. Известны и этногеографические наименования с таким корнем. Это прикаспийское племя *Daser* [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 917] и иранский народ *Dahae* [Барроу, 1976, с. 42; Бенвенист, 1995, с. 211], проживавший в области *Dahistan* (Дахистан) [Ghirshman, 1976, p. 618], на крайнем юго-западе Туркменистана [Кузьмина, 2008, с. 226–227]. Отмеченное сопереесечение содержательных планов и обусловило констатацию, что «др.-ир. *dahyu*- "страна" свидетельствует о каких-то интеграционных процессах, разрушивших преграды между древними фракциями, отсюда "раб" → "человек"» [Герценберг, 1972, с. 58]. Такие интеграционные процессы сопутствовали межэтнокультурному и межязыковому контактированию-противостоянию индоариев и древних иранцев. В результате же древнеиранский термин, обозначавший весь народ, всю страну, а позднее еще и каждую из стран империи [Герценберг, 1972, с. 60; Бенвенист, 1995, с. 211], в ведийской коннотации приобрел значение врагов и рабов.

Вероятно, это следствие индоарийско-древнеиранских связей, ассоциируемых с сейминско-турбинским — аркаимо-синташтинским взаимодействием. В финно-угорской части этнически разнородного состава и окружения аркаимо-синташтинского населения [Иванов, 2004, с. 63] также сохранились следы уничтожительности подобных лексико-семантических инверсий, указывающих на статус иноплеменника в чуждой ему социальной среде. Симметричная трансформация содержания «арья» у носителей финнских и финно-пермских диалектов до аналогичного значения «даса/дасью» у индоариев в отношении древних иранцев удостоверяет слож-

ные взаимоотношения и этих этнокультурных сообществ. Но мансийское *tas* — «чужеземец», связываемое с индоарийским *dasa* — «неариец, раб» [Барроу, 1976, с. 28], напоминает о разделении индоариями своих оппонентов на безусловных антагонистов — дасью и условно инкорпорированных противников — даса. Вероятно, контактировавшие с индоариями протоугорскоязычные предки манси относились к последним, и индоарийско-мансийские схождения это подтверждают.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 26–37.
- Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Абаев В.И. *Slavo-avestica* // ВЯ. 1982. № 2. С. 18–25.
- Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов: КРАМДС — Ахмед Ясави, 1993. 207 с.
- Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. Изд. 2-е, испр. СПб.: «Журнал “Нева”»: Летний Сад, 1998. 480 с.
- Арутюнов С.А. Современный антропологический состав населения Индостана и историческая ретроспектива его формирования (по материалам совместных советско-индийских этнографо-антропологических исследований 1970–1983 гг.) // Scripta Gregoiana. М.: Вост. лит., 2003. С. 421–439.
- Атхарваведа (Шаунака): В 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой; Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. Кн. VIII–XII. 293 с.
- Бадер О.Н. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1964. Вып. 6. С. 103–117.
- Барроу Т. Санскрит. М.: Прогресс, 1976. 411 с.
- Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. 263 с.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
- Боголюбов М.Н. Ригведа I, 105. Трита в колодце // ВЯ. 2002. № 2. С. 86–89.
- Большов С.В. Абашевско-сейминские параллели: (К вопросу о датировке волго-вятской группы абашевских могильников) // Междунар. (XVI Урал.) археол. совещ. Пермь, 2003а. С. 71–72.
- Большов С.В. Средневожжская абашевская культура (по материалам могильников) // Тр. Марийской археол. экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003б. Т. 8. 184 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Бочкарев В.С. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культуругенеза эпохи бронзы: (Опыт сравнительной характеристики) // В.С. Бочкарев. Культуругенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 53–59.
- Васильков Я.В. Даса, Дасью // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М.: Республика, 1996. С. 163.
- Вильгельм Г. Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 157 с.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Т. 1–2. 1328 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л.: Наука, 1972. 274 с.
- Гиоргадзе Г.Г. A. Kammenhuber, Die Arier im Vordern Orient, Heidelberg, 1968, 295 стр. // ВДИ. 1971. № 1. С. 120–123.
- Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 272–321.
- Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II: (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период) // Этимология. 1972. М.: Наука, 1974. С. 149–159.
- Гиндин Л.А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча // ВЯ. 1992. № 6. С. 54–65.
- Гончарова Ю.В., Бехтер А.В. Синташта и Сейма — враги и соседи // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 121–125.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2007. 510 с.

Сейминско-турбинские древности и индоарии

- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Сер. Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: АНТ, 1999. 443 с.
- Гуревич Л.Л.* О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации: (Теоретические аспекты проблемы «Город и процессы урбанизации в Средней Азии»): Тез. докл. Ташкент, 1989. С. 48–49.
- Дандекар Р.Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М.: Вост. лит., 2002. 286 с.
- Дегтярева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Дремов В.А.* Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Дьяконов И.М.* Арийцы на Ближнем Востоке: Конец мифа: (К методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ. 1970. № 4. С. 39–63.
- Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
- Дьяконов И.М.* Прародина индоевропейцев: (По поводу книги Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?»). М., 1994) // ВДИ. 1995. № 1. С. 123–130.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1986. 235 с.
- Елизаренкова Т.Я.* Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во вост. лит., 1960. 152 с.
- Елизаренкова Т.Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. Приложения. М.: Наука, 1989а. С. 426–543.
- Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Там же. 1989б. С. 544–757.
- Елизаренкова Т.Я.* Мир идей ариев Ригvedы // Ригведа. Мандалы V–VIII. Приложения. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1999а. С. 452–486.
- Елизаренкова Т.Я.* Примечания // Там же. 1999б. С. 526–731.
- Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999в. 240 с.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Трита в колодце: Ведийский вариант архаичной схемы // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 2. С. 168–171.
- Епимахов А.В.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 402–421.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 48–68.
- Зданович Г.Б.* Аркаим: Арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21–42.
- Зданович Г.Б.* Некоторые определения «рйг» — крепостей «Ригvedы» в контексте археологии укрепленных центров синташтинско-аркаимской культуры // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: МГОУ, 2010. С. 203–218.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.* Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры: (Укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: (К 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган: Изд-во Кург. ун-та, 2007. С. 103–108.
- Зданович Д.Г. и др.* Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. Кн. 1. 216 с.
- Иванов Вяч. Вс.* К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей: Материалы к конф. Челябинск, 1999. С. 45–47.
- Иванов Вяч. Вс.* Двадцать лет спустя: О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. М.: Старый сад, 2004. С. 41–67.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Кейпер Ф. Б. Я.* Основопологающая концепция ведийской религии // Ф. Б. Я. Кейпер. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука, 1986. С. 28–37.
- Клейн Л.С.* Пути ариев: Полемические заметки о книге Е.Е. Кузьминой: Кузьмина Е.Е. Арии — путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008, 558 с., 12 карт, 71 табл. ил. // РА. 2010. № 3. С. 171–174.
- Ковалевская В.Б.* Конь и всадник: История одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2010. 160 с.
- Ковтун И.В.* Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 139–143. (Тр. САИПИ; Вып. 4).
- Ковтун И.В.* Иконографические и смысловые планы ростовкинской композиции // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии: Тр. музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск: ТГУ, 2010. Т. 3, вып. 1. С. 105–123.

- Кони, колесницы и колесничие степей Евразии* / В.С. Бочкарев, А.П. Бужилова, А.В. Епимахов и др. Екатеринбург; Самара; Донецк: ЦИКР «Рифей», 2010. 371 с.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В. и др.* Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
- Кузьмина Е.Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. № 2. С. 35–59.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарины? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Кузьмина Е.Е.* Финно-угры и индо-иранцы: Динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 184–190.
- Кузьмина Е.Е.* Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 268–270.
- Кузьмина Е.Е.* Арии — путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Кузьминых С.В.* О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90 гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 14–29.
- Лелеков Л.А.* Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 118–125.
- Лелеков Л.А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М.: Наука, 1982. С. 149–163.
- Лелеков Л.А.* Проблемы индоиранистики на современном этапе // НАА. 1988. № 6. С. 168–184.
- Лелеков Л.А.* Йима // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994. Т. 1. С. 599.
- Лушникова А.В.* Модель универсума древних календарей: (Лингвистическая реконструкция). М.: Сов. писатель, 2004. 258 с.
- Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977. 205 с.
- Малютина Т.С.* «Квазигорода» эпохи бронзы Южного Урала и древний Хорезм // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 119–120.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 100–106.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.
- Махабхарата.* Книга девятая. Шальяпарва. М.: Ладомир, 1996. 352 с.
- Медведев А.П.* Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 283–285.
- Минаев И.П.* Очерк важнейших памятников санскритской литературы // Избр. труды русских индологов-филологов. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 9–50.
- Михайлов Ю.И.* Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 427–432.
- Михайлов Ю.И.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.
- Михайлов Ю.И.* К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. 1. С. 200–204.
- Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д. и др.* История археологии Южного Зауралья: Учеб. пособие. Челябинск: ЧелГУ, 2002. 349 с.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пьянков И.В.* Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 280–281.
- Редеев К.* Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 141–155.
- Ригведа.* Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 767 с.
- Ригведа.* Мандалы V–VIII. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1999. 743 с.
- Ригведа.* Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. 559 с.
- Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. 398 с.
- Селешников С.И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1970. 224 с.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Соловьев Б.С.* Сейминско-турбинская проблема // Науч. Татарстан. 2009. № 2. С. 91–102.

Сейминско-турбинские древности и индоарии

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы верхнего Приобья // Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.А. Тишкин. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Прил. I. С. 142–176.

Стеблин-Каменский И.М. Примечания // Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата / Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов: КРАМДС — Ахмед Ясави, 1993. С. 181–197.

Стеблин-Каменский И.М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 166–167.

Стеблин-Каменский И.М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авест., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. С. 4–32.

Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 528 с.

Ткачев В.В. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 168–170.

Ткачев В.В. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Уфим. археол. вестн. Уфа: ИИ РБ, 2001. Вып. 3. С. 3–14.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актоб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Топоров В.Н. Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождение у балтов и славян // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. М.: Наука, 1985. С. 95–107.

Топоров В.Н. Индоевропейский ритуальный термин *soṅh₁-etro-* (*-etlo-*, *-edhlo-*) // Балто-славянские исследования. 1984. М.: Наука, 1986. С. 80–89.

Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.

Топоров В.Н. Арбуда // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994а. Т. 1. С. 98.

Топоров В.Н. Дадхикра // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994б. Т. 1. С. 347.

Топоров В.Н. Совий // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994в. Т. 2. С. 447–458.

Топоров В.Н. Авест. *Ōrita*, *Ōraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. С. 479–504.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Фанталов А.Н. Культура Варварской Европы: Типология мифологических образов: Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2001. 18 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Халиков А.Х. К вопросу об этносе носителей сейминско-турбинской культуры // Археология и этнография Марийского края: Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 19. С. 42–45.

Хелимский Е.А. Южные соседи финно-угров: Иранцы, или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы») // Компаративистика, уралоистика: Лекции и статьи. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 502–510.

Чайлд Г. Арийцы: Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2009. 269 с.

Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание: Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. 256 с.

Чаттопадхья Д. Локаята даршана: История индийского материализма. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 736 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древнейшая металлургия Северной Евразии: Проблема взаимосвязей производящих центров // Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. М.: Наука, 1990. Ч. 2. С. 135–141.

Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. № 1. С. 88–103.

Членова Н.Л. Проблема прародины иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 177–184.

Шер Я.А. Петроглифы — древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 28–35.

Шетелих М. Черные противники ариев в «Ригведе» // ВДИ. 1991. № 1. С. 3–11.

Эдельман Д.И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // ВЯ. 1992. № 3. С. 44–66.

Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Вост. лит., 2002. 230 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. Изд. 2-е. М.: Акад. Проект, 2009. 622 с.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 231 с.

И.В. Ковтун

Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника: Прил. к ст. Соловьева Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001-2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 112.

Anthony D. W. The horse, the wheel, and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton: Princeton Univ. Press. Princeton and Oxford, 2007. 553 p.

Bryant E. The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford: Univ. Press, 2001. 387 p.

Carpelan C., Parpola A. The Abashevo culture and the earliest history of the Indo-Iranian and Uralic (Finnic-Ugric) languages // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 78–79.

Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1976. Vol. 120. № 4. P. 614–620.

Gray R. D., Atkinson Q. D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. 27 Nov. 2003. Vol. 426. P. 435–439.

Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // Current Anthropology. February 2002. Vol. 43, N 1. P. 63–88.

Macdonell A. A. Vedic mythology. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.

The Satapatha-Brâhmana. According to the text of the Mâdhyandina school. Translated by J. Eggeling. Part V. Books XI, XII, XIII, and XIV // The sacred books of the East. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford: At the clarendon press, 1900. Vol. 44. 596 + 8 p.

The Zend-Avesta. Part I. The Vendîdâd. Translated by J. Darmesteter. Second ed. // The sacred books of the East. Translated by various oriental scholars and edited by F. Max Müller. Oxford: At the clarendon press, 1895. Vol. 4. XXXIX + 390 p.

*Кемерово, Институт экологии человека СО РАН
ivkovtun@mail.ru*

An expansion phenomenon regarding articles and technologies of the Seyima-Turbino metal industry of the Bronze Age in North Eurasia is correlated with divergence and migrations concerning native speakers of Indo-Aryan dialects. Subject to consideration being a result of sociocultural, interethnic and linguistic cooperation among big ethnocultural units on the territory of the Volga and Kama basin and North-West Asia at the end of III thous. — early centuries of II thous. B.C. The author argues in favour of the common nature between cultural and historical sources regarding images of Videvdât Vara and Rigveda «autumn fortresses», tracing back to fortified constructions of the Arkaim-and-Sintashta type. Subject to justification being predominance of the Indo-Aryan substrate within the Seyima-Turbino communities who mainly contacted and confronted with the Iranian-speaking population of the Arkaim-and-Sintashta cultural unit, as well as with its Finnish-Ugric environment.

Seyima-Turbino, Indo-Aryans, Vara, Rigveda, «autumn fortresses», Arkaim-and-Sintashta, puru.